

МАКСИМ МАЛЯВИН

⊕ dpmmax

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА ⊖ ЛУЧШЕЕ

или Блог добрых психиатров

ТОП 20
в рейтинге
русскоязычного
ЖЖ

Максим Иванович Малявин
Записки психиатра. Лучшее,
или Блог добрых психиатров
Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22392184

*Записки психиатра. Лучшее, или Блог добрых психиатров / Максим
Малявин: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-100513-9*

Аннотация

Так исторически сложилось за неполные семь лет, что, стоит кому-то набрать в поисковой системе «психиатр» или «добрый психиатр» – тут же отыщутся несколько ссылок либо на ник дртмах, уже ставший своего рода брендом, либо на мои психиатрические байки. А их уже ни много ни мало – три книги. Работа продолжается, и наше пристальное внимание, а порою и отдых по системе «конкретно всё включено» с бдительными и суровыми аниматорами, кому-то да оказываются позарез нужны. А раз так, то и за историями далеко ходить не надо: вот они, прямо на работе. В этой книге собраны самые-самые из психиатрических баек (надо срочно пройти обследование на предмет обронзовения, а то уже до избранного докатился!). Поэтому, если вдруг решите читать книгу в общественном

месте, предупредите окружающих, чтобы не пугались внезапных взрывов хохота, падения под стол и битья челом о лавку.

Содержание

Вступление	7
Вуайеристы поневоле	10
Дерьмовый вызов	12
Бдительный	15
Да ты ведьма!	17
Пулька	20
Проверяющий	24
Шекспир рыдает	27
Демонический туризм	31
Проф	35
Доктор, голос!	38
Средство от соседей	41
Белочка. Она же котик	46
Муж и жена	49
То ли лыжи не едут...	53
Дебильная демография	58
Потусторонняя связь	60
Генерал терапии	63
Газы!	67
Об относительности	70
С хмутречком	74
Цветочки-таракашечки	76
О местах гнездования скунсов	78

Бешеный склероз	82
Аццкий сотона	86
Царь Олег. Очень приятно	89
Ван Хельсинг	93
Злостная кверулянтка[11]	96
Вишлист	100
Маниакальное	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Максим Иванович Малявин
Записки психиатра.
Лучшее, или Блог
добрых психиатров

© Максим Малявин, текст, 2016

© Юлия Межова, иллюстрации, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Вступление

Есть мнение, что не человек выбирает специальность, а очень даже наоборот. Мнение интересное, но, на мой взгляд, оно несколько пахнет фатализмом и умаляет роль личности в истории, пусть даже это история болезни. Все-таки приятно тешить себя иллюзией свободы выбора, будь то выбор профессии или спутницы жизни. Ладно, согласен, со вторым я чрезвычайно самонадеян и нагло себе льщу, но профессию выбрал сам, и только сам. Собственно, выбор окончательно сформировался (кристаллизовался, как сказали бы коллеги) к четвертому курсу, когда начался цикл занятий по психиатрии. Все сошлось воедино: и тематика предмета, и характерологические особенности учителей, и особая харизма самой психиатрической больницы, раскидавшей свой корпус среди вековых деревьев Томашева колка – некогда деревни, ныне одного из районов Самары. Логика и холодный расчет тут и рядом не стояли. А потом был шестой курс, когда более половины всех занятий у нашей особой группы приходилось на психиатрию. А потом – собственно интернатура, которую мы проходили вместе с будущей женой (ни разу не хотевшей стать психиатром, но, поскольку с инфекционистами не вышло, то почему бы и нет?). Интереснейшие и умнейшие преподаватели и врачи, атмосфера старых корпусов (в некоторых сохранились еще те, столетней

давности, дубовые двери и окна со стеклами в палец толщиной и с отдельной клетушкой для керосиновой лампы между рамами), неповторимая логика и философия предмета – боже, как все это было интересно!

А потом – другой город, другая больница. Дом у шоссе, тогда еще новенький, пахнувший краской, побелкой и свежестеленным линолеумом. Больничный комплекс, включающий в себя все, что нужно для автономного существования: поликлинику, дневной и круглосуточный стационары, лечебно-трудоустроенные мастерские и даже спецбригаду – таких гренадеров в белых халатах с бесконечно добрыми лицами. И пара санитарных машин-барбухаек для комплекта. И вот уже пятнадцать с хвостиком лет нашей работы здесь. При таком стаже работы кажется, что почти миллионный город отличается от деревни только этажностью застройки и временем на проезд из конца в конец. Стоит же зайти на рынок или просто прогуляться по улице...

– Здравствуйте, как самочувствие? Таблеточки пьете. А отчего вас так долго на приеме не было? Непорядок...

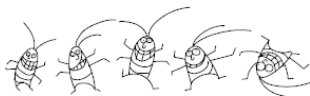
Специфика заболеваний и особенности оказания помощи, порой недобровольной, отгораживают психиатрию стеной недосказанности и таинственности, местами переходящей в паранойяльную озабоченность, с теориями заговора и пугалами карателей от медицины по одну сторону регистратуры, и особым прищуром, с понимающим покачиванием головы – дескать, идейки у вас, батенька, того – по другую. Хо-

телось бы, чтобы мои рассказы помогли хотя бы отчасти преодолеть это отчуждение и недосказанность, приподняв завесу тайны над психиатрической кухней. Если нет – опять же, ничего страшного: пугало – тоже имидж.

P. S. Все имена действующих лиц изменены. Любые совпадения прошу считать случайными.

Вуайеристы поневоле

Психиатрические больницы могут располагаться либо в черте города, либо за оной. Причем старые больницы, на мой взгляд, чаще строились все же вне городов. Гатчинская, Калужская, Самарская (когда она строилась, Томашев коллок был еще колком¹, а не городским районом), Ульяновская Карамзинка... Эта изоляция пациентов от горожан была на пользу как тем, так и другим. Наша психбольница тоже вначале была у черта на куличках, но потом чью-то голову посетила идея – и ее тогда не сочли бредовой, – что сему заведению самое место на стыке районов. С одной стороны, и медперсоналу на работу ездить недалеко, и больного можно быстро доставить. С другой...

Забрав на очередном вызове буйную пациентку, машина взяла курс на дурдом. Всю дорогу санитары предпринимали безуспешные попытки хоть как-то ограничить метания дамы по салону, потому что вязки, понадеявшись друг на друга, с

¹ Коллок – участок леса посреди поля.

собой не взяли. Для тех, кто не в курсе: вязки – это несколько метров фланелевой ткани, сложенной и простроченной в виде толстого жгута. Они заменяют такую полезную, но ушедшую в историю вещь, как смирительная рубашка, – считается, что этот пережиток темного прошлого позорит психиатрию как отъявленно гуманную специальность и унижает пациента. Ага, а вязки его возвеличивают чрезвычайно. Фельдшер решил, что без пары кубиков аминазина² тут никак, набрал шприц, промолвил: «Иншалла, мля», – и влился в коллектив. Теперь один из санитаров пытался удержать больную за руки, другой – за ноги, а фельдшер – оголить ей зад и сделать целебный укол. Игла пронзила мягкие ткани, даму обуяли изумление и душевный трепет, и негодяи мужского пола разлетелись в стороны, аки ласточки (есть, есть женщины в русских селеньях!). В этот самый момент машина вильнула, даму качнуло, она угодила голой попой с победно торчащим из нее шприцем аккурат в открытое бортовое окошко и на некоторое время в нем застряла. Все бы ничего, но в полдень на шоссе очень оживленное движение. «Уазик» с красующейся в окне задницей, увенчанной воткнутым в нее шприцем, гордо обошел строй троллейбусов, автобусов и маршруток (мигалки, сирена, расплющенные о стекла губы и носы благодарных зрителей) и свернул во двор психдиспансера. Занавес, аплодисменты.

² Аминазин – антипсихотический препарат. Оказывает сильное успокаивающее действие.

Дерьмовый вызов

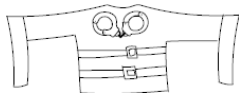
Эпитет «дерьмовый» применяют по делу и не совсем, вкладывая в это изначально яркое и душистое понятие нечто негативное и нежелательное. Бывают, однако, случаи, когда в дополнительных подразумевающихся смыслах и оттенках нет нужды, а суть ситуации передается прямым значением слова. Спецбригада отправилась на вызов. Все как обычно: женщина в обострении, есть показания для недобровольной госпитализации, доступ в квартиру будет обеспечен кем-то из родственников больной. Выехали полным составом – врач, фельдшер, санитар. Остальной персонал приемного покоя коротал время за привычными занятиями: кости, бильярд, книги – что душа просит. Примерно через полтора часа спецбригадовский «уазик» медленно и печально скрипнул тормозами у крылечка. Повисла выдержанная в лучших театральных традициях пауза, во время которой все гарантированно отвлеклись от дел и обратили свое внимание на прибывшую машину, а потом дверь салона медленно открылась. Сначала показался ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ

доктор с топором в руке, следом – ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ фельдшер с кухонным ножом в руке, а за ними ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ санитар, держа за ворот ночной рубашки ГРУСТНУЮ И ВСЮ В ДЕРЬМЕ больную. Замыкал процессию ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ водитель. Когда удалось всех отмыть и переодеть, а больную, соответственно, госпитализировать, выяснились подробности. Прибыв на место, спецбригада обнаружила, что встречу им больная подготовила теплую и с запашком. Во-первых, она заблаговременно «заминировала» всю квартиру кучками дерьма на газетках и теперь метко ими кидалась. Во-вторых, по всей видимости не вполне доверяя метательному арсеналу, больная вооружилась ножом и топором, как те романтики с большой дороги. Операция по поимке и извлечению пациентки из квартиры проходила весело и задорно, с валянием кучи-малы по загаженной жилплощади и изъятием у пациентки колюще-режущие-рубящие предметы повседневного быта российских сумасшедших домохозяек. В машине веселье продолжилось – больная ни в какую не желала признать себя таковой и всеми путями, вплоть до рукоприкладства, старалась убедить медиков, что смена места жительства, даже временная, не пойдет ей на пользу. Ввязавшегося в дискуссию водителя тоже поваляли по салону и, соответственно, угваздали в дерьме. Потом все же умудрились пациентку зафиксировать, сделали аминазин...

В машине потом еще долго сохранялась специфическая

аура.

Бдительный

Работал в нашей спецбригаде санитар по прозвищу Бдительный. Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах он получил это прозвище, но соответствовал ему довольно точно и в критические моменты вполне его оправдывал, а однажды даже оправдал сверх ожидаемого. Как-то раз, когда персонал спецбригады коротал время между вызовами, во двор-колодец приемного покоя въехал милицейский «уазик»-буханка. Оттуда вышел лейтенант и направился к сидящим на крылечке санитарам и фельдшерам.

– Вашего привез, забирайте.

Бывает, и нередко, что наш пациент, находясь в обострении, что-нибудь натворит или с кем-нибудь поцапается. Тогда его забирают в милицию, а уже оттуда, разобравшись, что к чему, доставляют к нам.

– Только он выходить из машины не хочет, так что вы уж сами как-нибудь...

Бдительный не спеша подошел к машине, открыл дверь и скомандовал:

– Вылазь.

Не дождавшись ответа, он вздохнул, извлек из недр УАЗа мужчину и, держа его одной рукой за ворот, а другой за ремень, понес в приемный покой. Лейтенант как раз рассказывал, как к ним попал больной. Увидев Бдительного с добычей, он пару мгновений хватал воздух ртом, а затем выпалил скороговоркой:

– Что вы, что вы, этого не надо, это наш сотрудник, он просто не в форме... немного.

После паузы Бдительный поставил сотрудника на землю, аккуратно отряхнул с него пыль и вновь направился к машине. Пациент с ужасом в глазах выглядывал откуда-то из-под сиденья.

– Вылазь.

На этот раз выносить никого не пришлось.

Да ты ведьма!

Будучи в обострении, пациент зачастую демонстрирует нечеловеческую силу и выносливость. Кажется, он попросту не задумывается, что ему что-то не по силам, что он способен испытывать боль или уставать. В результате старушка-одуванчик вполне способна запросто спустить вас с лестницы, а тщедушный олигофрен может дать деру от служителей Фемиды с двумя чугунными крышками от люков в каждой руке (металлолом ведь!).

Ольгу привезли в приемный покой в сопровождении наряда милиции. Внешний вид больной здорово напоминал куколку – не фарфоровую, а ту, из которой потом появляется на свет бабочка. В качестве кокона фигурировали вязки. Сколько их ушло на это сооружение, сказать было трудно, но у фараона Рамзеса бы точно глазки от зависти повышибало. Когда кокон развернули, обнаружилось, что на запястьях у Ольги еще и наручники. Правый браслет отдельно от левого, перемычка порвана.

Как выяснилось, Ольга на протяжении недели слышала у себя в голове голоса, которые, между прочим, сообщили ей, будто соседи по коммуналке участвуют в заговоре с целью ее, родимую, со света сжить и для осуществления своего коварного плана мажут ее дверь особым ядом. Возмущенная их коварством, больная несколько раз пыталась пристыдить негодяев, но те изображали правдоподобное недоумение и продолжали делать свое черное дело. Чаша терпения, и в лучшие времена не особо-то и глубокая, переполнилась, и пациентка, кипя праведным гневом, отправилась выяснять отношения. Злокозненные соседи пытались закрыться на замок в своей комнате, но не тут-то было! Дверь вынесло как пушинку, а чтобы неповадно было запираяться впредь, этот мешающий предмет интерьера вылетел в окно (стоит ли упоминать, что открывать дверь было недосуг?). Подоспевший наряд милиции с трудом уговорил Ольгу примерить наручники, но тут соседи вспомнили какие-то старые обиды, выдвинули совершенно необоснованные претензии... Словом, подъехавшая следом спецбригада успела к моменту, когда такая нужная в хозяйстве вещь, как наручники, была порвана, как та грелка.

В наблюдательной (эвфемизм слова буйный) палате нашего Самсона в юбке во избежание эксцессов привязали к койке – целое искусство, знаете ли, мастера БДСМ нервно курят в углу. Больная громко и в доходчивой манере изложила окружающим свою позицию по этому вопросу. На шум

откликнулась другая пациентка, Валя, тоже привязанная к койке в паре метров от Ольги (накануне она поколотила соседок по палате, выясняя, кто из них увел ее жениха).

– Это ты моего парня к себе присушила! – безапелляционно заявила она вновь прибывшей.

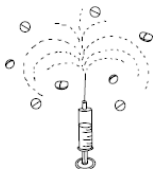
– Тебя, дуру, не спросила! – откликнулась та в сердцах.

– Да ты ведьма! – резюмировала Валя.

Думаете, на перебранке все и закончилось? Как бы не так! Когда кипящий в двух сердцах гнев нашел точку приложения, ничто уже не могло помешать дамам перейти от слов к действиям. Подпрыгивая и раскачивая койки, противоположные стороны сближались сантиметр за сантиметром, пока, наконец, не коснулись друг друга... Санитарки, которые через некоторое время заглянули в палату, увидели лежащих бок о бок на вплотную сдвинутых койках Олю и Валу. Заплеванных, уставших, но донельзя довольных каждая собой!

Пулька

Была у меня на приеме дама лет шестидесяти пяти с просьбой избавить ее от «пульки» в голове.

– Да как она туда попала?

– Вы не поверите!

– Ну, милая моя, мы говорим за лечение, а не за веру, посему внимательно вас слушаю.

Скорбный вздох, печальный взгляд.

– Заболело два года тому назад ухо. Я пошла к лору. Она мне сразу не понравилась: такой, знаете ли, жесткий взгляд, а слова ласковые – убаюкивает, значит. И, пока ухо смотрела – раз! – и одним движением, я и заметить-то ничего не успела, а она уже все сделала.

– Что именно?

– Как что? Пульку в голову засунула, и так ловко, что я и не сразу поняла. Наивная. А через неделю почувствовала: пулька в голове начинает шевелиться, и от этих шевелений

у меня все тело сводит, да так неприятно! Ну, я бегом к ней разбираться, а она меня словно в первый раз видит: не понимаю, мол, о чем вы. Какова змеюка!

– А снимок, рентгенографию черепа делали?

– А как же! Только пулька особой оказалась, не видит ее рентген.

– А к нам вы как попали?

– Так пошла к нейрохирургу, а он говорит, что дело деликатное, можно во время операции случайно полушарие задеть. Правое. А оно за логику отвечает. А мне без логики никак.

– И?

– Он и говорит: в таких тонких материях, мол, только психиатр может помочь. Есть, говорит, у психиатров особые таблетки, так они эту пульку заставят выйти естественным путем. И полушарие не заденут.

– Какой же грамотный вам попался нейрохирург! Полностью с ним согласен. Ну что же, вот вам заветный рецепт, вот тут я написал, как принимать, через недельку жду на прием, приходите, погляжу на вас еще.

К слову, параноидная симптоматика с ощущениями чего-то инородного в организме – это отдельный разговор. Когда мы еще были интернами, нам предоставили возможность убедиться в том, что идеи и ощущения психотического уровня крепче железобетона и В ПРИНЦИПЕ не поддаются переубеждению и психотерапевтическим приемам.

Был случай, когда больная утверждала, что ее изнасиловали (враки и женские мечты; хотел бы увидеть то мачо с полным отсутствием зрения и зачатков интеллекта, а также инстинкта самосохранения), пусть милиция и отрицает сие леденящее кровь действие. При этом во время второго акта Марлезонского балета ей якобы поместили во влагалище пачку швейных игл (насилник, видать, был энтузиаст, к делу подошел изобретательно, с задором). Иглы разбрелись по организму, и больная ощущает их перемещение и покалывание. Заручившись одобрением начальства, мы принялись за дело. Выяснили у пациентки, сколько приблизительно было игл, какого размера, а потом купили и заржавили потребное количество. В назначенный день водрузили даму на стол процедурного кабинета, расчехлили аппарат для электрошоковой терапии (его окрестили медицинским импульсным магнитом) и приступили к действию. Периодически находилась иголка («вот она, вот она, кончик уже показался, непусти!»), со звоном падала в лоток, медсестра мониторировала пульс и давление, ассистент вытирал со лба клоуна – «оперирующего врача» трудовой пот... Поиск всех игл занял час. Больную поздравили с успешно прошедшей операцией, а на следующий день во время обхода она вспомнила, что «еще в задний проход мне иголки тогда засунули», и вот они-то сейчас так колют, просто караул. Занавес.

В другом случае, по словам пациентки, у нее в животе завелась лягушка. Как завелась? Да в кувшин с молоком за-

лезла, а больная наша его и оприходоввала. Залпом. Жарко было, пить хотела. И теперь никакой личной жизни: то земноводное в животе квакнет, то выглядит срам сказать откуда! Лягушкой запаслись на кафедре нормальной физиологии (реолапку все помнят?); решили, что выманывать будем на живца. Вы пытались когда-нибудь привязать муху к длинной нитке? Попробуйте, муха узнает много новых слов! Лягушку «выманили», посадили в баночку, предъявили хозяйке.

– Это не она!

– А КТО это тогда?

Пауза.

– Это ее дочь. У той глазки были умные, и квакала она громче, увереннее, что ли...

С тех пор – только адекватная медикаментозная терапия!

Проверяющий

Как учили нас классики партийной пропаганды, со временем коммунистическое мировоззрение обуяет широкие массы людей, и принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» можно будет применять, не опасаясь того, что потребности могут оказаться непотребно чрезмерными. До этого светлого момента в отдельно взявшейся социалистической стране должны рулить учет и контроль, а то вдруг кому-то не по труду захорошеет. Социализм сгинул, уступив место недоразвитому капитализму с феодальными замашками, а привычка проверять и контролировать осталась. Привычки, особенно дурные, они очень стойкие. Есть у нас на учете пациент. Обострения у Виктора (назовем его так) обычно бывают ранней весной. Маниакально-параноидный синдром, возникающий с завидным постоянством. В его исполнении обычно это выглядит так: рано-рано утром чуть ли не пинком открывается дверь какого-нибудь (предугадать трудно) отделения милиции, и на пороге появляется наш ге-

рой. Бодрый до омерзения, подтянутый и энергичный, он похотливо окидывает взором помещение и укоризненно заявляет:

– Спим на боевом посту, товарищ как-вас-там? Ай-ай, нехорошо. А я, собственно, к вам тут с проверочкой, давно было пора, да все дела, дела... С этими словами он трясет под носом у сонного дежурного каким-то документом. Документ требует отдельного описания. Если бы милиционеру удалось сразу и в подробностях его рассмотреть, то выяснилось бы, что это обычный паспорт. Но. В него вклеен аккуратно вырезанный оттиск гербовой печати. Как-то, еще во времена правления Бориса Николаевича, Виктор написал президенту гневное письмо: дескать, смотри, до чего довел страну, как, мол, тебе не совестно. А в администрации президента кто-то возьми да напиши вежливо-нейтральный ответ ни о чем. Проникся наш пациент: как же, ответили, значит – право имею! Тут-то фабула бреда и сложилась окончательно. Мол, не хватает у президента времени ментовской произвол отслеживать и пресекать, посему и облакают его, Виктора, властью и чрезвычайным доверием. И наш пациент вырезал из письма гербовую печать, наклеил ее в паспорт и отправился творить добро направо и налево.

– Так, голубчик, распорядись-ка, чтобы машину сей же момент подали, поедем полюбуемся на ваши посты!

Вы не представляете, до чего убедительным может быть маниакальный больной. Иногда дело доходило даже до по-

садки в машину. Потом все же срабатывало профессиональное чутье, более тщательно проверялись документы... Стоит ли говорить, что в приемный покой сердитые милиционеры обычно доставляют Виктора слегка помятым? Думаете, это его чему-нибудь учит? Только тому, что он не «проверяет» дважды одно и то же отделение. А служивые до сих пор ведутся.

Шекспир рыдает

Являясь, по сути, неотъемлемой частью мироздания, человек, тем не менее, постоянно пытается провести демаркационную линию: вот я, а вот – все остальное. Отношение к этому всему остальному сильно колеблется – от сакраментального «весь гребаный мир против меня» до «я готов весь его полюбить, и не по разу». Наверное, так и задумано – нам крайне необходимо отстаивать свою индивидуальность, обособленность и непохожесть. У окружающей действительности тоже есть свои соображения на сей счет. Вместе с парочкой запасных тузов в рукаве для тех, кто чересчур продвинулся в отстаивании собственной индивидуальности, – а нечего расслабляться!

Лидии Васильевне (дадим ей такие имя и отчество) за пятьдесят. Тридцать лет больна шизофренией. На инвалидности, по поводу которой не особо расстраивается, поскольку домашнее хозяйство – это постоянная работа, скучать некогда. А тут еще внуки, с которыми интересно возиться. Словом, жизнь бьет ключом. Поэтому, если уж она пришла

не как обычно, за лекарствами, а попросилась в стационар – значит, дела обстоят серьезно.

– Что с вами случилось, Лидия Васильевна?

– Опять приболела, доктор.

– И что беспокоит?

– Опять мир вокруг изменился. Долго все было в порядке, но, видимо, время подошло. Лекарства-то я пила аккуратно.

– Что ж, болезнь – такая штука, она может порой свое взять, несмотря на лекарства. Что же произошло с миром вокруг вас?

– Понимаете, вот только что, буквально несколько дней назад, он был реальным, все чин чинном, а потом раз – и стал ненастоящим.

– То есть как это – ненастоящим?

– Даже не знаю, как вам объяснить. Кукольным. Бутафорским. Иду по улице – небо нарисованное. Натурально, конечно, художник не зря кушает свой хлеб, но с настоящим не спутать. Вороны – механические, воробьи – заводные. Дома – одна видимость. За окнами и стенами ничего нет, а если зайти и проверить, то специально там, куда я зайду, будет бутафорский подъезд с бутафорскими квартирами. Точнее, одной квартирой – той, в которую я решу зайти. Машины на улице – слишком игрушечные, хоть и в натуральную величину. В автобус села, поехала к вам в диспансер – словно на детском аттракционе, так все ладно и гладко, так все аккуратно подстроено. Покупаешь в магазине еду – еда нена-

стоящая. Кажется сначала – и цвет, и запах, и на ощупь все правильно, а стоит принести домой – опять бутафория. Даже приготовить можно, но будет все не по-настоящему. Люди вокруг слишком яркие, слишком схематичные, типажные – или куклы, или актеры. Я вот думаю – откуда столько актеров может появиться? Ну так сейчас же кризис, люди за любую работу возьмутся.

– А родные что вам по этому поводу говорят? Им тоже мир кажется ненастоящим?

– А что они могут сказать? Их ведь тоже подменили. Загримировали, соглашусь, неплохо, видна рука профессионала. Но я-то своих знаю. А эти играют отвратительно.

– Лидия Васильевна, прошу прощения за нескромный вопрос: я вам тоже кажусь ненастоящим?

– Доктор, вот этого не надо. Я и так изо всех сил стараюсь к вам не приглядываться! Если и вы окажетесь подменным – как дальше жить?

– Ничего-ничего, все в порядке. Я очень даже настоящий. У меня только зарплата игрушечная, а так – все по-взрослому. Хочу вот еще о чем спросить: как вы думаете, для чего все это затеяно? Ведь выходит, что все шоу только для одного зрителя. В чем тут тайный смысл. В чем ценность вашей персоны?

– Вот! Вот над этим вопросом я и сама бьюсь! Не скрою – порой дух захватывает от этого всего, и страшно, и удивление – неужели все из-за меня? Кому это понадобилось? Что

от меня хотят? А потом думаешь – ну, раз кто-то это смог устроить, значит, все же это зачем-то нужно. Ой, доктор, давайте уже скорее меня класть, а то мне страсть как хочется добраться до режиссера и показать ему, что такое настоящая критика! Ведь я себя могу не сдержатъ!

Представив процесс деструктивной критики с применением подручных предметов, я поспешил написать направление. Пока она кого-нибудь не назначила на роль режиссера.

Демонический туризм

Со времен Стивена Кинга, после романов которого даже ночной поход в туалет можно было смело вносить в копилку храбрых поступков, демоны и прочие потусторонние обитальцы явно перевоспитались, обрели харизму и хорошие манеры, а то и вовсе научились делать добрые дела и широкие жесты – прямо не силы зла, а потусторонняя благотворительная организация, вроде Красной Пентаграммы. Но наших пациентов не обманешь, у них есть опыт личного общения, который подсказывает: если демоны и читают про себя в книжках, то только с целью поржать над умильно-дебильными персонажами и тут же под настроение совершить какую-нибудь пакость. Ибо нефиг расслабляться.

Дмитрий (пусть он будет Дмитрием) знаком с демонами уже много лет. Он даже мог бы написать про них книгу, но не фантастическую, а документальную. Он-то знает, что эти бестии постоянно крутятся поблизости, вылавливая тех, кто послабее. Зачем? Дело в том, что сами они проявиться в этом мире не могут. Это как идея, которая вроде бы витает в воз-

духе, но сама по себе воплотиться не может, пока не овладеет чьим-то разумом. Мы же не видим призрак коммунизма, а вот членов партии запросто можно наблюдать воочию. Понятно, что у призрака к партийцам наверняка много вопросов и пожеланий, далеко не все из которых можно выразить приличными словами, даже прибегнув к метафорам и эвфемизмам, но... ладно, это уже другой вопрос...

Итак, с точки зрения Дмитрия, люди делятся на две категории: тех, кто способен увидеть демонов, и тех, в кого демоны могут вселиться. При этом обитатели альтернативного измерения очень не любят представителей первой группы и всячески стараются навредить им, вселившись в представителей второй. Оно и понятно: кому приятно, когда подсматривают за твоими шалостями! Опять же, одно дело питаться где-то там у себя всякой нематериальной, идейно зараженной и мистически модифицированной гадостью, и совсем другое – кошерная человечинка. Приближение очередной волны потустороннего десанта Дмитрий чувствует заранее: сначала все события вокруг – взгляды прохожих, номера машин, заголовки газет – вдруг приобретают дополнительный, особый смысл. Потом пропадает сон, и ночь становится временем тревоги, мегалитров чая и многих метров выкуренных сигарет. И еще ожидания, напряженного ожидания: кто же на этот раз?

Обычно это домашние: то у матери глаза вдруг превратятся в черные бездонные дыры, то у отца изменится тембр го-

лоса, вдруг прибавив к своему обычному звучанию визг на грани слышимости в сочетании с ужасным, пробирающим до костей, чуть ли не инфразвуковым басом, то у сестры начнут смазываться черты лица, чтобы почти сложиться в нечто хищно-рысье. И все. Домой можно не приходить – ЭТИ теплых чувств не знают. Только потусторонний холод и неприкрытый кулинарный интерес.

Церковь не помогает, Дмитрий уже пробовал. До сих пор вспоминает, как хищно смотрели бабульки-одуванчики, как облизывался и потирал руки батюшка – Дмитрий еле ноги унес, а то был бы раб Божий, копченый с ладаном. Ходил к экстрасенсу – тоже сплошное разочарование. Дама, к которой он обратился, аж затряслась от радости, когда его увидела, – мол, вижу корень всех твоих бед как наяву, сейчас будем из тебя лярву выгонять. А сама то рожки тайком почесет, то копытцем цокнет. Курва.

В общем, как только в город с целью гастрономического туризма прибывает очередная группа демонов, Дима идет сдаваться в дом у шоссе. Там спокойно. Там персонал-кремень. Правда, порой то у доктора лицо поплывет, то сосед по палате клыки отрастит, но это уже такие мелочи! Посоветуешь доктору взять себя в руки, а на соседа пожалуешься медсестрам – и все снова стабильно и спокойно. Перед психиатрией демоны бессильны. Они, правда, пытаются навещать Дмитрия под видом тех же родственников, но присутствие санитаря, такое монументально-умиротворяющее,

держит их в узде, хотя, конечно, несказанно огорчает. Отбытие потусторонней тургруппы Дмитрий чувствует по тем же родственникам: они становятся теплее и человечнее, да и лица перестают искажаться. Можно без опаски проситься домой.

Проф

Это случилось еще в мою бытность студентом; по ощущениям все было пару лет назад, а на самом деле в конце 80-х – начале 90-х. Самара. Общага № 3 на Гагарина. Такая девятиэтажная свечка, родной дом для многих поколений студентов-медиков. Строго говоря, одна из многих, но о тех речь как-нибудь потом. При тогдашней перенаселенности мединститута, когда при поступлении конкурс доходил до восьми-десяти человек на место, получить место в общежитии было счастьем. По крайней мере, на первом курсе это удавалось, мягко говоря, не всем. Ну а уж те, кто попал... Впрочем, лучше тоже отдельной историей.

Жил-был в «тройке» студент по прозвищу Проф. Этиология сего никнейма безвозвратно утеряна, однако многие сходятся на двух версиях. Первая – ПРОФессиональный гонщик, то бишь человек, способный поддержать и развить до степени абсурда любую предложенную тему разговора (университетское образование, как-никак). Вторая – ПРОФессор

кафедры научного алкоголизма: эта версия кажется даже более вероятной. Жил он весело, кушал вольную студенческую жизнь большой ложкой, на лекции с занятиями приходил исключительно с недосыпа и похмелья, за что и пострадал. На моей памяти это был единственный студент, лишенный права проживать в общежитии ЗА АМОРАЛКУ. Комнату пришлось освободить. Пока Проф обивал пороги деканата, профкома и комитета комсомола (помните такой?) с битием челом и клятвенными заверениями искупить, отмолить и впредь не допускать, свято место оказалось занято, и кем!

Будь это парни, все было бы проще: поговорили бы по-свойски, нашелся бы угол, а там и всю комнату можно было обратно заполучить – главное, знать, в чем остро нуждается комендантша. Но заселились в комнату две девочки-лапочки, только-только со школьной скамьи, восторженно-удивленные, глядящие на старшие курсы как на полубогов – в общем, тьфу, да и только. И это не все! Каждая – каждая! – была при маме. Как они в этой каморке папы Карло помещались, это один бог ведает, но уходили солнышки на занятия отутюженные, накрахмаленные и (мамма мия!) позавтракавшие горяченьким, а возвращались к прибранной комнате и сытному ужину. Проф был сражен в самое сердце, ему срочно требовался план ненасильственной эвакуации очаровашек-оккупанток. Было даже заключено несколько пари. Угадайте, на что. Проф неделю ходил хмурый. Он ДУМАЛ. К исходу недели план был готов.

В понедельник девочки, как обычно, ушли на занятия, и мамы принялись за ежедневные хлопоты, и тут раздался громкий стук в дверь. Отворив, тетеньки увидели на пороге небритое (та самая неделя!) существо с красными глазами, жутким перегаром изо рта (еще бы, всю ночь за успех мероприятия переживали), в живописно драной тельняшке и шортах цвета картофельной ботвы (отпиливаются от армейских галифе). В руках эль Чупакабра держало шприц Жане, наполненный густым раствором метиленового синего³. На носик этой адской машинки с помощью жевательной резинки и такой-то матери была посажена огромная игла для спинномозговых пункций. Окинув две застывшие фигуры мутным взглядом, Проф трясущимися руками протянул им шприц и попросил:

– Мать, ширни. Я не попадаю!

По свидетельствам очевидцев, весь остаток дня из комнаты доносился звук пакуемого имущества и не то вопли, не то лозунги:

– На квартиру!!!

³ Метиленовый синий – органический краситель. В медицине в основном используется как антисептик.

Доктор, голос!

Эта леденящая кровь история произошла много лет назад, когда я еще студентом подрабатывал на скорой помощи одного из районов города Самары. Как правило, на каждой скорой любого района есть негласный, но общеизвестный список нелюбимых адресов. Наша подстанция тоже не была исключением. Своих героев, самых капризных и занудных пациентов, мы знали в лицо. Некая Прасковья Филипповна постоянно терроризировала нашу неотложку, с периодичностью до трех-четырёх раз в день. Выезжая на ее «плохо с сердцем», приходилось в итоге убеждать болезную, что плюс-минус пять миллиметров ртутного столба в показаниях ее артериального давления – это физиологическая норма, что сегодняшнее аж девятичасовое отсутствие стула – это вовсе не признак каловых завалов, что кардиограмма вновь и в который раз не только инфаркта – даже аритмии-то не кажет. Ну и, естественно, учить наизусть географию и характер всяческих покалываний, бульканья, сжиманий и мурашек. По-

нятно, что от ипохондрика ждать чего-то иного не стоит, но, когда эпидемия гриппа, бригады не вылезают из машин, а вызов на ее адрес только за сегодня уже четвертый...

Вот на четвертом-то вызове Василич, доктор от Бога, ветеран афганской, и не удержался. Душа просила хохмы. Оставив фельдшера на станции и пошущукавшись с диспетчером, от чего та сделала большие глаза и быстро-быстро закивала, он заявил народу в курилке:

– Спорим на коньяк, что Филипповна на этой неделе никого доставать не будет!

Ударили по рукам, и доктор поехал. Вернулся он быстро. Через пять минут после его приезда в диспетчерской звонил телефон. Сняв трубку, диспетчер с минуту слушала, расплываясь в улыбке, кивала, а потом, нажав на рычаг отбоя, куда-то перезвонила. Коньяк Василичу проспорили, да еще как! Никто с этого адреса не звонил месяца полтора. Василич и диспетчер молчали как партизаны, поэтому на НАКОНЕЦ-ТО поступивший от Прасковьи Филипповны вызов чуть ли не жребий бросали, кому ехать, – до того любопытно было узнать подробности из первых уст.

Оказалось, что, открыв в прошлый раз доктору дверь, больная опешила: эскулап стоял на четвереньках и держал в зубах чемоданчик. Выдержав театральную паузу, он поставил чемоданчик на пол и четыре раза на нее гавкнул. После этого оборотень в халате повернулся и на четвереньках потрусил вниз по лестнице. Когда прошло замешательство,

Филипповна позвонила в скорую вновь и пожаловалась, что доктор, гад, НА НЕЕ ЛАЯЛ. Диспетчер оказалась девушкой доброй и отзывчивой и пообещала прислать нормальных медиков.

Когда приехала другая бригада, «не в пример этим, все как на подбор, просто гренадеры!», врач участливо так спросил:

– Так вы говорите, на четвереньках стоял?

– Да, да!

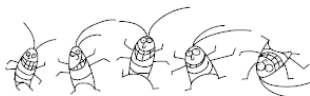
– И даже, простите, лаял, как собака?

– Да, истинный крест!

Надо сказать, что за все полтора месяца пребывания в психбольнице сердечко у Прасковьи Филипповны не болело ни разу.

Средство от соседей

За годы работы укрепляешься в осознании того, что бред – явление очень стойкое. Сравнить его с обычной убежденностью, даже на уровне упертости рогами в стенку – все равно, что сравнивать незыблемость и прочность плит перекрытия с прочностью набора посуды на шесть персон во время бурного семейного скандала. Соответственно, большинство рассказов о том, как бредовый пациент был переубежден посредством личной харизмы врача, особых психотехник и навыка внушения восемнадцатого уровня, лично я воспринимаю с некоторой долей вполне закономерного скепсиса.

Валентина Петровна (пусть героиню истории зовут так) практически всю свою жизнь прожила в Баку. Работала на заводе, была на хорошем счету. Со временем сложилось так, что большинство ее друзей, родных и знакомых в силу разных причин, среди которых не последнюю роль сыграл государственный геополитический кретинизм, уехали из города. А тут еще выход на пенсию, вынужденное безделье вкупе с

неожиданно подкравшимся избытком свободного времени. Каждый офицер и прапорщик в курсе: свободное время – это зло. Точно такую же злую шутку сыграла с Валентиной Петровной оказавшаяся ничем не занятой психика. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов характерологические особенности, тонкости обмена веществ и нейрофизиологии, но запальным механизмом послужил именно провал в жизненных ориентирах.

Валентине Петровне стало казаться, будто соседи задумали недоброе. Да-да, те самые, которых она помнила еще мелкими чумазыми засранцами. Видимо, таился в каждом из них корешок зла, который при должном уважении и регулярном поливе вырос до вполне солидного корнеплода с агрессивно-мизантропическими свойствами. Вот и стали мелкие пакостники взрослыми бесстыжими вредителями, а также со свету сживателями. И ведь такие изобретательные: придумали, как с помощью компьютера (вот ведь тоже бесовско-заокеанское детище, будто обычных счетов не хватало!) ее мучить: то поясницу скрутят, то вдруг в ногах жилы начнут тянуть, то сердце прихватят, а то и вовсе начнут жар приливами по телу гонять. Ну как есть программируют несчастный организм на всякие непотребности.

Сначала страдалица просто терпела, а при попытках организма выкинуть очередное коленце спасалась травами, настойками да припарками. Потом ходила по соседям, пытаюсь призвать их к порядку, да что толку – посмотрели как

на дуру, да еще такое искреннее недоумение сыграли, чисто МХАТ на гастролях. Отписалась дочери о своих бедах, та прониклась, пообещала забрать к себе. Оно хоть и Поволжье, хоть и богом забытые степи, но все поближе к родным да подальше от соседей-истязателей.

Переезд прошел довольно гладко, и целых два месяца Валентина Петровна порхала аки ласточка – новые заботы, новые впечатления. Но потом вернулся рутинный привкус, а вместе с ним – и озарение: новые соседи ничуть не лучше тех, бакинских. А компьютеры у всех поголовно! Даже у детей. И вновь начались мучения: ломота, жар и холод, тянущие боли в мышцах. Плюс еще, судя по всему, стали соседи ей сверху фигурки человеческие на ниточках спускать (сама-то она не видела, но просто так уверенность ведь не возникнет, верно?). Стоило Валентине Петровне отлучиться из дома, эти фигурки начинали тайно разгуливать по квартире и устраивать диверсии почище партизанских: то молоко сквасят, то в хлеб плесени понапихают, а то ножи наточат так, что она ими постоянно режется. Пусть дочь и говорит, что ножи точит зять, но это все неправда – не может он настолько тещу не любить.

Дочь долго убеждала Валентину Петровну наведаться в дом у шоссе. Та отнекивалась, даже пару раз всплакнула – мол, что же ты меня, совсем за дуру держишь? Зять, умничка, все очень правильно обосновал. Дескать, с соседями мы можем что-нибудь сделать? Нет, поскольку нет возможности

доказать наличие состава преступления (он жутко образованный, слова лепит – часами бы слушала). Можно, конечно, сходить и начистить пару физиономий, ради любимой тещи не жалко, вот только соседи заявят в милицию, и виноватым будет угадайте кто? Поэтому, мать, надо сходить к психиатру. Есть у него в арсенале проверенные средства: говорят, даже экстрасенсам дар напрочь отшибает, магов плющит, как тех лилипутов на дискотеке с Гулливером, а зеленые человечки так и вовсе считают их секретным оружием ПВО землян. Попросим доктора, пусть выпишет что-нибудь для невосприимчивости к компьютерным атакам, вроде какой-нибудь микстуры Касперского. Сказано – сделано. Хоть и не без трепета, но к психиатру сходили. А там, по его рекомендации, еще и к терапевту с гинекологом заглянули: дескать, соседи соседями, а климакса со стенокардией да остеохондрозом никто не отменял, и лечить их тоже надо. И про соседей доктор много чего говорил, запомнилось только про идеи отношения и воздействия и что лекарства надо принимать вот по этой схеме.

Теперь Валентине Петровне никакие соседи с их компьютерами и фигурками на ниточках не страшны. Главное – пить лекарства регулярно. Молод еще Билл Гейтс, чтобы супротив фармхимпрома козни строить!

Белочка. Она же котик

Белая горячка – явление очень даже национальное и на просторах родной страны вовсе не редкое. Более того, мы можем его экспортировать в другие страны вслед за нашими эмигрантами. Сей недуг настигает неосторожных с алкоголем граждан в самых разных местах, и привозить их в больницу откуда только не приходится: из дома, с работы, из гостей...

На этот раз спецбригаду вызвали в отделение милиции. По приезде в обезьяннике обнаружили два помятого вида мужика, стоящих по стойке «смирно» возле решетки. Всем своим видом они демонстрировали полную законопослушность и страстное желание оправдать и искупить, лишь бы сей же час оказаться по другую сторону преграды. При более пристальном изучении обнаружился еще один обитатель зиндана. Крупный, крепко сбитый, с пудовыми кулаками дядечка, просто Илья Муромец, с опаской выглядывал из-под

лавки.

Прибытию медиков обрадовались все. Дежурный, лучезарно улыбаясь, поведал:

– А вон и ваш клиент прячется.

С его слов, забрали дядечку из дома, где он отходил после двухнедельного запоя и, опять же, по его собственным словам, никого не трогал. Доставили в отделение, стали выяснять обстоятельства. Помогали собирать анамнез две практикантки из юридического. На свою голову. Вначале задержанный меланхолично отвечал на вопросы, и дежурный уже начал подремывать под монотонное бормотание, как вдруг...

– ВОТ ОН!!! СПРЯЧЬТЕ МЕНЯ СКОРЕЕ!!! – От рева дрогнули стены, а графин с водой издал жалобный бздыньк.

Илья Муромец шмыгнул под стол, девчата вспорхнули на стол, дежурный усилием воли и мышц сфинктера подавил желание рыбкой нырнуть в дверной проем.

– Ты что орешь, негодяй? – уняв дрожь в голосе, поинтересовался милиционер.

– Кот! Огромный. Усищи – во! Лапищи – во! В дверь заглянул. Голодный. Мя-аска хочет, гад! – И, на карачках приблизившись к офицеру, доверительно зашептал, крепко держась за брючину: – От самого дома пасет! Вишь, на косточки, – кивок в сторону девчат, – не позарился, хитрый, ему понажористей кого. А во мне только полезного веса кило на сто потянет... Ты вот что, давай спрячь меня скорее. ААААА!!!

СНОВА ЗАГЛЯНУЛ!!!

В общем, в обезьянник задержанный проследовал бодро, но вскоре его вопли поставили на уши двух его новых соседей. Кот не оставлял бедолагу в покое: заглядывал через решетку (дядечка прятался под лавку), появлялся под лавкой (дядечка лез на решетку), его чеширская улыбка светила из помойного ведра (как-то удалось уговорить ведро не выплескивать) – короче, играл с ним, как с мышкой.

Сдавали Илью Муромца только разве что без ковровой дорожки. В машине он первым делом прильнул к заднему окошку:

– Ну ты только посмотри! Следит, скот! – И, перебежав вперед, стал упрашивать водителя гнать что есть мочи.

Выяснив по пути, что в дурдом посторонних не пускают, что на всех окнах решетки и что, идя навстречу пожеланиям трудящихся, администрация ведет активный отстрел бесхозных кошек, собак и бешеных тушканчиков на всей вверенной территории, пациент успокоился. На всем пути до диспансера он только изредка поглядывал в окно, злорадно ухмылялся и крутил большие фиги.

Муж и жена

Рыбак рыбака видит издалека. Некоторые семейные пары настолько подходят под эту поговорку, что просто нечего больше и сказать. Многие из наших пациентов вступают в брак с такими же, как они сами. Когда больше половины участка знаешь в лицо, вместе с историями жизни и болезни, некоторые закономерности настолько очевидны, что даже статистическое исследование можно не проводить – ни к чему это. Для себя знаешь, а доказывать кому-то еще – есть в этом некий отголосок сравнительной фаллометрии.

Валя и Миша. У каждого годы и годы шизофренического стажа, многочисленные госпитализации, инвалидность. Они и на прием обычно приходили вместе. При этом постоянно друг на друга ворчали и стучали:

– Доктор, скажите ей, чтобы пила лекарства. Она не пьет, а без лекарств дура душой!

– Это он не пьет, все уши прожужжал: «Я не больной, у меня особенности!» Видели мы эти особенности, ты, Миша, с ними вчера весь вечер разговаривал и спорил.

– А ты всю ночь не спала. И готовить не умеешь!

– Я тебя, дурака, караулила. А не нравится моя стряпня – вон в отделении каши гречневой просто завались! Очень помогает от дурных мыслей. Стряпня моя ему не нравится...

И так на каждом приеме. При этом ни один из них ни разу – ни разу! – не сдал другого в больницу. Очень даже наоборот. Именно эта семья известна в диспансере как киднепперы-рецидивисты. Они похищали... друг друга. Из больницы.

Однажды Валя пришла на помощь Мише, когда того пытались госпитализировать. Нет, связываться с вызванной в поликлинику спецбригадой (тогда Автозаводский филиал диспансера еще располагался в Новом городе, на втором этаже обычной поликлиники) она не стала, здраво оценив неравенство сил. Она просто открыла окно второго этажа и подала проходящему в сопровождении санитаров Мише знак. Окно располагалось как раз над пристройкой крыльца. Без вреда для конечностей дражайший супруг сиганул в окно, очутился на пристройке, потом спрыгнул на асфальт и был таков. Справедливо полагая, что никто не будет подвергать ее гонениям, Валя преспокойно покинула поликлинику.

Второй раз Валя вызволила благоверного уже из отделения. Когда Миша стал чуть спокойнее и супругам разрешили свидания, она задействовала нехитрый план. Дело в том, что находящиеся в отделении больные видятся с родственниками в крыле, из которого есть выход непосредственно на улицу. Изначально это придумали, чтобы свидания, прием пе-

редач, а соответственно, и весь поток родственников проходили в стороне, противоположной ординаторским, которые, соответственно, выходили на внутрибольничные коридоры. Валя принесла с собой не только передачку, но и одежду, чтобы было во что переодеть мужа после побега. Далее спектакль был разыгран как по нотам. Прощаясь, Валя подошла к двери, которую уже начала открывать санитарочка, но вдруг повернулась к удаляющемуся супругу и, заломив руки, воскликнула:

– Миша, поцелуй же меня на прощание!

Все же злые шутки порой играют с нами мексиканские сериалы. Санитарка отвернулась, чуть не пустив слезу от умиления, и тут же была снесена на метр в сторону легким движением Валиного бедра, а оба супруга ринулись прочь, на свободу!

Долг платежом красен, и на следующий раз была уже Мишина очередь вызволять жену из дурдома. Он прибег к более масштабным действиям. В то время въезд в диспансер еще не был перегорожен шлагбаумом, и Миша беспрепятственно проехал внутрь на машине. Как он уговорил таксиста на такую авантюру, история скромно умалчивает. Наша (новая!) психбольница в плане своем напоминает букву «Жо», и прогулки больных происходят во двориках, образованных ножками этой буквы. Медперсонал выносит длинные лавочки и, садясь на них у открытого края двориков, создает для гуляющих больных преграду. Как выяснилось, весьма услов-

ную. Когда «шоха» на скорости вылетела из-за угла, никто и опомниться не успел, как Валя, в лучших традициях кенийских бегунов, взяла старт, ласточкой вспорхнула над лавкой и пригнувшимися санитарками, вскочила на заднее сиденье – и экипаж покинул гавань.

Надо ли говорить, что НИ РАЗУ вдогонку за супругами по их адресу не высылалась спецбригада? Себе дороже.

То ли лыжи не едут...

Эта история случилась, когда мы были на интернатуре в самарской психбольнице. Жена несколько месяцев посвятила работе и учебе в тамошнем женском отделении. По территориальному принципу оно обслуживало городские окраины (Мехзавод, Красную Глинку), а также всех иногородних и бомжующих дам. Коллектив – золотой, грамотный, слаженный. Само здание отделения – обособленно стоящая древняя одноэтажная деревянная постройка с собственным огороженным двориком, где летом устраивался огорожок и всячески лелеялись цветочные клумбы – обладало какой-то неповторимой харизмой, служащей неназойливым фоном для в общем-то тяжелой ежедневной работы, которая благодаря мастерству сотрудников казалась непринужденной, ненавязчивой и даже какой-то идиллической. Наша интернатура по времени пришлась как раз на внедрение «Закона о психиатрической помощи и гарантиях соблюдения прав граждан при ее оказании». Речь там, в частности, шла о том, что теперь или больной давал письменное согласие на лечение, или ле-

чащий врач получал гемморрой, обосновывая законность пребывания отказника в отделении. Для этого в суд писалась телега с просьбой дать санкцию на недобровольное лечение имярек. Суд рассматривал заявление и, как правило, санкцию давал. Но однажды...

В ординаторской появились две молоденькие козючки с огромными ресничницами, предъявили служебные удостоверения и изъявили желание учинить проверку законности пребывания вновь поступивших пациенток. Глазищи юных жриц Фемиды горели огнем праведного гнева, обращенного на злокозненный врачебный персонал: мол, томите в адском плену невинные души, ну ведь томите же, ну признавайтесь на счет «раз»! От чая с малиновым вареньем и домашними плюшками они гордо отказались: мол, знаем ваши уловки, нас не купить бочкой варенья и корзиной печенья. Сокрушенно вздохнув, коварный Чингачгук ди гроссе шланге Игорь Васильевич, он же в народе завотделением, дал санитарочкам распоряжение сей же секунд подать сюда Маринку.

Как Маринка попала в отделение – песня отдельная. Где-то за неделю до этого у нее случилось обострение, начались голоса и появились всякия вредныя мысли. Маринка ушла из дома. В дремучий лес. В красном платье. За неделю лесной робинзонады платье изрядно поистрепалось, обувка потерялась вовсе и девчонка являла собой очень живописное зрелище, способное вызвать столбняк даже у медведя-шатуна. Скитаться ей, судя по всему, к исходу недели надоело, и

она, выйдя на трассу, стала голосовать. С собой у нее была чудом сохранившаяся монетка; Маринка рассудила, что легковушка ее за такие деньжищи никуда не повезет, и ее выбор пал на грузовой транспорт. В итоге пострадали несколько водителей грузовиков: как только машина притормаживала, эта кикимора в красном врывалась в кабину и начинала кусаться и царапать. Мужики, кое-как отбившись, давали по газам и надолго зарекались связываться с голосующим на дороге женским полом. Наконец нашелся один, который сумел ее скрутить и – оцените сознательность! – довезти до психбольницы.

Маринка вошла в ординаторскую и села на предложенный стул. Стараниями санитарочек, отмывших, заботливо расчесавших колтуны и даже соорудивших какую-никакую прическу, вид у девушки был самый что ни на есть приличный, если не считать больничного халата веселенькой расцветки, делавшего ее немного похожей на цыпленка-переростка. И если не обращать внимания на особый огонек в глазах. Проверяющие оживились, только что руки не стали потирать, но сдержались.

– Марина, расскажите, как вы здесь оказались, как вы себя **ЗДЕСЬ** чувствуете?

И Марина рассказала. В своей обличающей речи она посоветовала и на режим (нахмурился зав), и на скудное питание (схватила за сердце санитарочка, лично следящая, чтобы все было выпито и съедено), и на грубость персонала (заер-

зали ординаторы). Консенсус больной и двух юных законниц рос и крепчал с каждой минутой повествования, они ахали, охали и бросали на докторов пристальные взоры. Праведный гнев близился к точке кипения и был уже на опасной отметке, когда негодница пожаловалась, что ее грозились даже (боже мой, вся просвещенная общественность рыдает и выходит на тропу священной войны) ПРИВЯЗАТЬ К КРОВАТИ!

– За что?!

– Так вот и я спрашиваю – за что?! Брата моего убили? Убили!

Видя сетку прицела в двух парах очаровательных глаз, Игорь Васильевич попытался робко возразить:

– Мариночка, он же у тебя умер черт-те когда!

– Молчите!! – Это Марина и проверяющие, хором. Ага! Скелетики в шкафах, доктора!

– Убили! Вот, смотрите. – И Маринка, подойдя к окну, жестом подозвала девчонок.

Те, сдерживаясь, чтобы не бежать вприпрыжку, важно подошли.

– Вон в той вон посадке и прикопали. А он со мной оттуда говорит. И говорит, и говорит. Когда по делу что скажет, а когда ерунду несет. Кто? Да ты и несешь! Скажи еще, советчик нашелся! Ага, как же! Ему прогулы на городском погосте ставят, а он все туда же, под юбки этим двум зассыхам смотреть! Да щазз, сам заткнись!

По ходу этого пламенного монолога лица девчонок-проверялок вытягивались, глазки становились большими-большими, а губки складывались в две букочки «О». Наконец одна из них очнулась от оцепенения:

– Женщина, вы что, ДУРА?

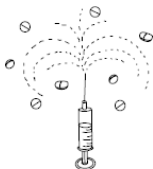
Практически не меняя ни скорости, ни интонаций, Маринка, полуобернувшись, ответила:

– Ха! Конечно, дура! Иначе чего я здесь лежу!

Вот на сей замечательной фразе и закончилась эта проверка.

Дебильная демография

Эта история из копилки жены. Ей, как участковому психиатру, нет-нет да и приходится бывать дома у пациентов нашего учреждения. На этот раз по распоряжению главного врача нужно было освидетельствовать даму с чужого участка и дать ответ гинекологам, может ли она по своему психическому состоянию вынашивать ребенка. Супруга прибыла на место и на несколько минут лишилась дара речи. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки была... Пожалуй, слово «угваздана» – слишком далеко от действительности: с таким же успехом можно утверждать, что Фрейд имеет некоторое отношение к психоанализу. Чтобы привести этот вертеп в порядок, надо было бы сначала пройтись огнем, потом брандспойтом, а потом замуровать дверь и забыть адрес. Атмосфера, точнее ее насыщенность, также поражала и отключала обонятельные рецепторы с третьего робкого вдоха. А еще перманентный шум. Топот, беготня,

детские крики и плач, и все на одном уровне громкости. Достаточно, чтобы вести все разговоры на грани крика. Пациентка обнаружилась в дальней комнате. Подняться с кровати она не могла, поскольку после инсульта уже полгода как была парализована. И четыре месяца как беременна! Это не считая того, что у нас на учете тетенька состоит с детства по поводу умственной отсталости в степени умеренно выраженной дебильности. Равно как и ее супруг. Равно как и ОДИННАДЦАТЬ их детей. Опустив за явной бесперспективностью вопрос, как у них хватило ума заниматься сексом в раннем постинсультном периоде, жена задала другой, вполне закономерный:

– Куда вам столько?

Ответ поражал своей незамутненностью:

– Умненького хотели!

Потусторонняя связь

Наверное, каждый из нас когда-либо задумывался о том, что же там, за последней чертой. Интерес к этой теме неисчерпаем и в целом понятен: мало что страшит так же, как неизвестность, а поди найди тайну более непроницаемую, нежели смерть. А все недостаток очевидцев. Мертвые – народ неразговорчивый. А любопытно, что называется, до смерти.

И пока кто-то читал «книги мертвых», кто-то посещал спиритические сеансы либо накачивал себя несусветной дрянью в поисках калитки (ну хотя бы дырки в заборе или, на крайний случай, замочной скважины) в Гадес, нашелся человек, подошедший к этой проблеме прагматично и основательно.

Это было в самарской психбольнице. На судебно-психиатрическую экспертизу был представлен пациент, против которого прокуратура возбудила уголовное дело по факту вандализма, порчи и тайного хищения муниципального имущества на какую-то довольно крупную сумму. Как выразился

один из экспертов:

– Вот, по крайней мере, сумма, из-за которой стоило начинать сыр-бор. А то в прошлый раз из-за дебила, умыкнувшего мешок морковки, стоимостью в десятки раз меньше, чем сама судебно-психиатрическая экспертиза, такой шум устроили. . . Оно и понятно – показатели, отчетность.

Стали выяснять, в чем дело. Пациент давнишний, на учете черт-те сколько лет, ни в чем серьезнее, нежели выплюнуть обеденный галоперидол⁴ в тарелку жены, замечен не был, и вдруг – вандал, расхититель городского имущества, да какого!

– Ну и зачем вам, милейший, двадцать одна трубка от городских телефонов-автоматов? В них же нет ценных металлов! Меди – и той кот наплакал.

– Я не собирался сдавать их в металлолом.

– А зачем же вам они?

Вот тут-то и выяснилась истинная причина раскулачивания городской телефонной сети в крупных размерах. Около полугода назад у больного на фоне относительного затишья в психосимптоматике вдруг появились голоса в голове. Да не просто голоса, а голоса покойников. Кто-то из этих людей умер давно, кто-то – не очень, но все они были так или иначе знакомы или близки нашему пациенту. Лодка кри-

⁴ *Галоперидол* – антипсихотический препарат, назначается при маниакальных расстройствах, шизофрении, бреде и т. п. Лучше всего действует на галлюцинации.

тичного восприятия, идущая ко дну под столь плотным арт-обстрелом, продолжала подавать последние сигналы «may day» – мол, чтоб совсем козленочком не стать, пей галоперидол, на фоне его действия голоса мертвецов слышны совсем невнятно. Тут граждане усопшие и подкинули идейку: а давай, мол, телефонируем кладбище! Нет, не всё, конечно же. Только по особым заявкам. Чей голос в голове отметился, того и подключаем. Ну есть еще пара застенчивых товарищей, тут, дескать, мы тебе подскажем адресок абонента. Исполнять спецзаказ больной ринулся бодренько, с огоньком, и в краткие сроки город лишился пары десятков работающих уличных телефонов, а к загробной телефонной сети подключилась, соответственно, пара десятков не совсем живых абонентов. Попался наш телефонист-некромант банально: кладбищенский сторож, не вовремя решивший сделать обход владений, наткнулся на подозрительного типа, закапывавшего телефонную трубку в ямку рядом с могилой.

Разобрались, отсмеялись, описали, порекомендовали суду в качестве меры пресечения амбулаторное принудительное лечение. Осталась лишь легкая тень подозрения: похоже, дядечка выдал не все свои загробные контакты...

Генерал терапии

Предаваясь воспоминаниям студенческой поры, не могу не отметить, что ряд преподавателей, с которыми нам довелось познакомиться и чьим речам мы внимали с трепетом и благоговением (светила медицины, небожители!), были запоминающимися, яркими, неповторимыми личностями. Только сейчас, ретроспективно анализируя впечатления тех лет, понимаешь, что некоторые из их особенностей относились скорее к числу психопатологий. Но ведь учили, и как!

Запомнился, и наверняка не только мне, профессор одной из кафедр терапии. Умнейший человек, потрясающе грамотный врач, он, что называется, читал пациента с лету. Однажды, будучи в Соединенных Штатах, он, проведя несколько минут у постели сложнейшего больного, без данных лабораторных анализов и дополнительных исследований установил правильный диагноз заболевания вплоть до мельчайших подробностей и степени нарушения основных функций. К нему везли больных отовсюду, он решал сложнейшие диагностические задачи... и при этом был со странностями. Та-

кими же яркими, как и его несомненный талант.

Профессор ходил исключительно в генеральской форме. Говорят, что раньше на этой форме красовались соответствующие погоны, но после решительного протеста, выраженного официальным письмом из Минобороны в почти матерной форме, погоны доктора заставили снять. А лампасы остались. Как и фуражка. Был как-то случай: один полковник, придя по какой-то своей надобности в клинику мединститута, был вынужден ждать своей очереди. Он вышел покурить, и тут-то на сцене и появился профессор. Сам вид личности в генеральском и без погон оказал прискорбное воздействие на расшатанную штабными учениями и карьерными пертурбациями психику офицера. А когда эта непонятного ранга личность в лампасах подошла, чеканя шаг, и доверительно отрапортовала: «Товарищ полковник, разрешите доложить, во вверенном мне подразделении за время моего дежурства происшествий нет!» – бедный вояка чуть не проглотил свой окурок.

Определенно, у профессора присутствовали некие идеи относительно собственной генеральской миссии на передовых рубежах сражения с недугами человечества. Более того, персонал вверенной ему кафедры как-то не спешил разубеждать своего заведующего. В праздники, особенно 23 февраля, 1 и 9 мая, можно было с легким изумлением и тихой радостью (свят-свят, я в этом цирке не участвую!) наблюдать, как персонал кафедры бойким, почти строевым шагом сле-

дует под сенью красного знамени в сторону ЕГО кабинета, поздравлять дорогого шефа, пламенного борца и прочая, и прочая.

К студентам профессор был суров. Сколько их получило на экзаменах «банан», исходя из собственных, недоступных пониманию обычного смертного критериев оценки знаний, – бог весть. Как-то раз он спросил студента:

– Как вы относитесь к песням Аллы Пугачевой?

– Я ее не слушаю, мне некогда, я учебой занят, – ответил тот.

– Как, вы не знаете песен Аллы Борисовны? Вы, человек, получающий всестороннее университетское образование? Это два!

Следующему студенту, слышавшему диалог, был задан тот же вопрос.

– Ну как же, конечно, слушаю и очень люблю творчество этой певицы!

– Как?! У вас, студента-медика, есть время, чтобы интересоваться еще чем-то, помимо учебы? Это два!

К опоздавшим на лекцию студентам профессор относился недоверчиво-подозрительно:

– А кто-нибудь еще знает, почему она опоздала? И что там она прячет в сумочке? Вдруг пистолет или, – он делал большие глаза и губы трубочкой, – бомба?

Но сами лекции были прекрасны и познавательны, если отвлечься от личности лектора и некоторого своеобразия их

подачи. На них выросло не одно поколение врачей. А особенности – ну какая же легенда без них!

Газы!

Приходит как-то ко мне на прием семейная пара пенсионного возраста. Видно, что у супругов сохранились теплые отношения, оба проявляют друг о друге заботу, которой могли бы позавидовать многие молодые парочки. Видно, что инициатором визита явился муж и что при этом он скорее сгребет свою половину в охапку и убежит с ней куда подальше, но не даст ее в обиду. Деликатно интересуюсь причиной визита. Выясняется, что женщине стало казаться, будто соседи снизу пускают в их квартиру газ.

– Какой, природный?

Она смотрит на меня, как мать на сына-имбецила: ласково, но устало и с легкой укоризной. Выясняется, что нет, не природный, а самый что ни на есть отравляющий и в чем-то даже боевой. От этого газа она чувствует недомогание (крепкая тетенька, от газа, предназначенного для выведения из строя вражеских войск ротами и батальонами, у нее, видите ли, недомогание!), перестала спать ночами и потеряла аппетит.

– Что же вы в милицию не обратились? Или в ФСБ?

Еще один взгляд, дающий понять, что рейтинг этих организаций еще ниже моего, но пара таких вопросов – и они сравниваются. Муж нарушает неловкую паузу:

– Да, собственно, мы там уже были, – легкая боль воспоминаний во взгляде, – но они посоветовали обратиться к вам.

– А как именно вы поняли, что газ поступает снизу? Про недомогание с бессонницей я все уяснил, это, безусловно, улики, это противоречит всем конвенциям и нормам международного права, но соседи снизу... Они что, в преступной организации состоят? Или с международными террористами связаны? «Аум Синрике» там, например...

Бинго! Меня не то что рублем подарили – горсткой жемчужин осыпали, такое потепление во взгляде чувствовалось физически – мол, вот! Умеет же понять несчастную жертву газового террора, когда юродивым не прикидывается! Далее разговор шел уже более доверительно и непринужденно. Да, именно секта «Аум Синрике». Да, соседи снизу сектанты, они даже глаза по-особенному щурить стали в последнее время. А догадалась просто: стала полы мыть – а в линолеуме дырочки, их глазом почти не видно (негромкий комментарий мужа с галерки: «То есть совершенно») – только если с увеличительным стеклом искать и под особым углом смотреть. И если наклониться ближе к полу, от газа начинает кружиться голова (тем же устало-любящим тоном: «Это не

от газа, дорогая, это возраст и сосуды»), и это неудивительно, ведь газ нервно-паралитический.

– Ну, дорогие мои, с террористами разбираться, конечно, не в моей компетенции, вас бы на время от них в отделении спрятать, пока контртеррористическое подразделение будет делать зачистку здания. Нет? Категорически? Ну что ж... Выпишу я вам таблетки. Нет, соседей ими пользоваться не надо, не такие таблетки, да и соседи не тараканы. Это для повышения сопротивляемости организма в целом и нервной системы в особенности. Да, оборонная разработка, для очень деликатных задач. Вот. Не благодарите, не надо, просто придерживайтесь схемы приема, и вы приведете меня в неописуемый восторг. И вам всего доброго.

Через пару недель они снова пришли на прием. Лица су-пругов светились от радости.

– Спасибо, доктор! Ваши таблетки чудесно помогают. Я снова чувствую себя человеком. Я... я СПАТЬ СТАЛА БЕЗ ПРОТИВОГАЗА!

– И я тоже, – устало-облегченно произнес муж.

Об относительности

Этот случай произошел лет десять назад, когда автоза-водский филиал амбулаторной службы психдиспансера на-ходился еще на другом краю города. Вообще, такое местопо-ложение вполне устраивало и докторов, и уж тем более паци-ентов: все под боком, далеко ехать не надо, начальство черт знает где. Омрачал всеобщую благодать только один факт: если нужно было в экстренном порядке госпитализировать больного, то на ожидание спецбригады, спешащей из пре-красного далека, уходило полчаса, как минимум. Нет, быва-ли дни вдохновения, свершений и рекордов, но все же, как правило, следовало запастись терпением и уповать на то, что биться с несогласным со своим диагнозом пациентом не при-дется.

На прием к моей жене пришла тетечка и с порога заявила:

– Делайте со мной что хотите, но я страшно желаю ко-го-нибудь убить!

– Вы не поверите, но порою я страстно желаю практически того же! – ответила доктор.

Слегка опешив и сбавив обороты, дама, тем не менее, настаивала на том, что желание ее сильно, решимость тверда, настроение ни к черту, а посему возможности поистине безграничные. Доктор сделала условный знак медсестре, та кивнула, подхватила папку **ОЧЕНЬ** важных с виду бумаг, которые надо **ОЧЕНЬ** срочно подписать, исчезла за дверью, бодрой рысью преодолела дистанцию до регистратуры, набрала номер спецбригады и сказала в трубку: «Ребята, сейчас я вас обрадую невероятно – у нас вызов!» Доктор тем временем начала писать направление, попутно расспрашивая пациентку, чтобы та не чувствовала себя незаслуженно забытой: мы, психиатры, при служебной необходимости можем быть крайне любознательными. А как давно у вас возникла такая замечательная мысль об убийстве? Хотите ли вы убить кого-то конкретного или же это вопрос искусства (либо «привыкли руки к топору»), и кандидатура как таковая не имеет значения? Желание присутствует постоянно или возникает приступами, и если последнее, то что эти приступы провоцирует? Сами пришли к такому желанию или «голоса» подсказали (отдельная ветка вопросов для «голосов»)? Как именно убивать будете? Куда труп денете?

Через некоторое время, продолжая отвечать на монотонные вопросы, больная жутко разобиделась. Не видя в бесстыжих глазах врача должного почтения и трепета, она начала проявлять признаки нетерпения и даже попыталась повысить голос, на что получила суровое внушение, что доктор,

мол, старается не для кого-нибудь, а для ее же блага. Растущее недовольство уже грозило вывести противостояние на новый виток, как вдруг на сцене появился новый участник, изменивший весь ход дальнейших событий.

В поликлинику заявился Слава. Есть такая категория пациентов, в которых причудливым образом слились в одно целое болезнь и сволочизм личности. В таких случаях эффект обычно потенцируется, как у сочетания анальгина с димедролом. Или аминазина с реланиумом⁵. Или водки с клофелином. Пришло это чудо в прескверном настроении, поскольку было на днях выписано из отделения с добрыми напутствиями в объеме четырех кубов галоперидола деканоата в задницу (в данном случае «внутримышечно» – недопустимый эвфемизм). Циклодола⁶, который нейтрализует побочные эффекты галоперидола, Славе с собой не дали, зная его токсикоманические наклонности. Вот он и пришел в поликлинику с твердым намерением циклодол получить. И ведь получил бы, чай и мы в лесу не звери, да вот не было циклодола. Слава принял отказ на свой счет, интерпретировал его в лучших традициях кривой логики, резонерства и опоры на слабый признак и выдал аффективную реакцию с бычьим ревом и выбиванием всех дверей подряд. А вот медперсонал этот парень нехилой комплекции и близко не трогал: сказывался опыт многих, многих госпитализаций. Со-

⁵ *Реланиум* – успокаивающее и снотворное.

⁶ *Циклодол* – противопаркинсонический, расслабляющий мышцы препарат.

противление быстро приехавшей спецбригаде, которая, если помните, была вызвана для жаждущей убийства пациентки за те самые полчаса до визита Славы, было оказано чисто символическое, и больного увели в машину. Медсестра крикнула вдогонку бригаде:

– Эй, а нашу-то красавицу забирать будете?

Войдя в кабинет, фельдшер и санитары увидели хихикающего доктора. Она показывала на спрятавшуюся у нее за столом пациентку: макушка и два испуганных глаза. Умоляюще глядя на врача, та произнесла:

– Доктор, миленький. А может, я домой пойду? Можно? Ну, пожааалуйста!

С хмурчком

Что утро добрым не бывает, знают не только студенты, но и преподаватели. Есть, правда, разница. Если бодрое хмуро приключилось с профессором, да еще и в день зачета или (святые угодники!) экзамена, то студенчеству приходит северный пушной зверь. Полный.

В тот раз на анатомии именно так и было. Испытывая горячую, неистребимую никаким аспирином любовь к экзаменуемому, профессор задал вопрос. Точнее, поставил ситуационную задачу:

– Мужчину привязали за член к бамперу машины. Машина ме-е-е-дленно двинулась вперед. Какие связки пострадают?

Выслушав и забраковав ответы, он вздохнул (первые ряды испытали настоящую потребность если не закусить, так хоть занюхать), обвел всех укоризненным взглядом и промолвил:

– Голосовые, товарищи студенты! Все придете через неде-

лю на пересдачу.

Цветочки-таракашечки

Жену однажды вызвали на консультацию в пульмонологию.

Ездить на консультации в соматические стационары⁷ – это, так сказать, полезная нагрузка психиатров амбулаторной службы. Вызов на этот раз был вроде по существу, то есть не невротическая пациентка, которой вдруг ком в горле стал ну так мешать, что жить дальше нет никакой возможности, а достойная немедленного внимания и лечения галлюцинозная симптоматика. Еще точнее – делирий⁸. Казалось – как, откуда, бабулечка – божий одуванчик и ничего страшнее ложки кагора в церкви на большие праздники себе хлопнуть не позволяла. Ну, может быть, пять капель валокордина под животрепещущие новости с экрана. А тут – раз – и на ее белоснежной больничной простыне самым наглым образом появились (о ужас!) тараканы. Вот она и стала предьявлять

⁷ То есть обычные, не психиатрические стационары, занимающиеся лечением болезней тела.

⁸ *Делирий* – психическое расстройство, протекающее с нарушением сознания: галлюцинациями и бредом.

вполне справедливые претензии в адрес медперсонала – совсем, мол, мышей (соргу, тараканов) не ловите, развели тут антисанитарию, вот при Сталине...

Механизм такого делирия прост: интоксикация на пике пневмонии плюс органика (ну у кого в таком возрасте нет хотя бы завалященького атеросклероза сосудов, в том числе и головного мозга?) равно делирий. Ну, знание этиологии – это здорово, это повышает самооценку, но надо же лечить. Вот и отправилась Оксана Владимировна в медгородок с важной миссией известить тараканов на простыне. А заодно и в голове пациентки.

В отделении, по пути в палату, медсестра заново рассказала, как все происходило, и добавила:

– А сейчас ей лучше. Вот, посмотрите.

На больничной койке сидела совершенно счастливая старушка. Восторженным взглядом она окидывала свое ложе и, буквально излучая радость, нежно гладила ладонью простыню. Медсестра пояснила вполголоса:

– Я подошла, встряхнула простыню и сказала, что тараканов больше нет, зато вон сколько цветов по просьбе заведующего ей насыпали. С тех пор и наслаждается. Может, не назначать ей ничего – хорошо же человеку...

О местах гнездования скуссов

Вообще, прикладная делирионавтика – тема столь же неисчерпаемая, сколь неупиваема та чарка, кою наш терпеливый и упрямый народ пытается уговорить. Дамы, конечно, все еще уступают пальму первенства кавалерам, но уже готовы их оттуда стряхнуть. Соответственно, доблестная спецбригада без работы не остается. Соответственно, симптоматика горячечных переживаний обретает новые краски, локации и новых персонажей.

Лариса (назовем ее так) вряд ли считает себя алкоголиком. Ну что вы, все же культурно – никаких перцовых настоек и дезсредств из аптек, никаких «777» в розлив – все только качественное и дорогое: коньячок под балычок, шампак под ананасик. Просто будни бухгалтерии устроены так, что количество предусматривающих непременно коллективное возлияние дат неуклонно стремится сравняться со средней продолжительностью года. Отказаться – значит от-

колоться от коллектива, который не поймет. И сделает выводы.

Однако коллектив коллективом, а организм на сей счет имел свои соображения, посему на двадцать седьмой день празднования чьего-то там юбилея он выразил решительный протест в виде то ли гриппа, то ли другой вирусной болячки – иммунитет, знаете ли, не жидкотопливный ракетный двигатель, на спирте не летает. Пришлось взять больничный и налечь на куриный бульон. Вот тут-то, спустя несколько дней, и началось самое интересное.

В одну из ночей муж Ларисы был разбужен воплем супруги: «ААА!!! СКУНС!!!» Он честно попытался перейти в вертикальное положение из горизонтального без промежуточных стадий, попутно проснуться и даже заверить жену, что нет, что все нормально и что он себя во сне контролирует. Но все было гораздо сложнее. Ему поведали леденящую кровь историю о том, что под покровом ночи ТУДА забрался скунс – вон, хвост торчит (жест в сторону интимной стрижки), и теперь он пытается занориться поглубже. А в процессе гнездования портит воздух – ну этот самый, бутилмеркаптан выделяет, вот! Так что настала очередь супруга показать незваному гостю, кто в доме хозяин, а лучше так и вовсе замочить скотину страшну, шустру и вонючу.

Супруг, постепенно начинающий подозревать неладное, стал было приводить контраргументы – мол, как мочить, если виден только хвост? Попытаться задавить гада в ходе акта

исполнения супружеского долга – для тебя все что угодно, дорогая, но не будет ли тут легкого флера зоофилии? Опять же, есть риск, что негодник занорится так, что помогут только акушеры. Вытащить за хвост? Он даже сделал видимость попытки, но схлопотал по макушке и переключился на более конструктивные и менее травмоопасные методы возможной помощи. Вариант с МЧС, поразмыслив, забраковали оба – видимо, образ бравых ребят с налобными фонариками, болгаркой и прочим инструментарием, проявляющих нездоровый энтузиазм, оказался слишком ярок. Сошлись на скорой. Бригада приехала самая обычная, линейная. Видимо не желая воевать с дамой, они доставили ее в гинекологическое отделение – мол, там хоть смогут дать аргументированный отказ – с данными УЗИ и кольпоскопии... Доктора отделения, как выяснилось, уже имели некоторый опыт общения с дамами, которые обнаруживали самые неожиданные предметы в самом неподобающем для них месте. Одну из таких пациенток, которая заявляла, что у нее ТАМ работающее радио, пришлось смотреть врачебной комиссии. Скорее всего, для подстраховки, чтобы потом было легче объяснить появление психиатра в палате. А может, коллеги и в самом деле мечтали услышать ОТТУДА: «Говорит Москва!» Словом, когда Лариса поведала им о гадском скунсе, продемонстрировала хвост зверюги и похвасталась своими познаниями в органической химии, доктора дружно закивали, подтвердили, что случай, вне всякого сомнения, тяжелый, но у них на

примете есть летучий отряд СЭС по дезинфекции, дезинсекции и дератизации. Один звонок – и они будут здесь. Только придется проехаться с ними, поскольку процесс деликатный, случай неординарный, а зверь редкий – не ровен час помрет, так ведь «зеленые» потом ни в жизнь такого не простят.

В итоге всю работу по смахиванию пудры с мозгов пришлось взять на себя психиатрам. К чести Ларисы будет сказано, известие о том, что скунс – это глюк, она восприняла на редкость хладнокровно – мол, глюк или нет, но давайте уже он меня покинет, а то нашел, понимаете, гнездо!

Бешеный склероз

Однажды на прием к нашему другу, тоже врачу-психиатру, пришла пациентка лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Причем «пришла» – это громко сказано. С картинно-страдальческим выражением лица, ощупывая дрожащей рукой стену, она пересекла порог кабинета, громко заявив:

– Где у вас тут сесть. А то я не ориентируюсь.

Нащупав спинку стула, она стала медленно садиться мимо него. Сразу обратил на себя внимание тот замечательный факт, что свою драгоценную пятую точку она опускала хоть и мимо стула, но не менее плавно и аккуратно, чем экипаж трансконтинентального авиалайнера сажает свою машину, дабы чего этакого не повредить при посадке. Нарочито размашистыми движениями порывшись в сумке, от чего пол оказался усеян какими-то листовками, буклетиками и календариками, она извлекла из ее недр некую справку:

– Вот!

– Вот – что? – участливо поинтересовался доктор, пред-

вкусная спектакль.

– Нет, кто тут из нас больной. Я была на приеме у терапевта, он меня посмотрел и написал справку, что психиатры должны дать мне инвалидность! Что тут непонятного?

– И что же с вами стряслось, позвольте полюбопытствовать?

Сделав страшные глаза, дама наклонилась поближе и доверительно прошептала:

– У меня **БЕШЕНЫЙ СКЛЕРОЗ!**

– Позвольте узнать с целью повышения образовательного уровня: это терапевт вам такой диагноз установил?

– Да-да, он там все написал, только я прочесть сама не могу: я читать разучилась. И писать тоже.

Доктор принялся за изучение справки, но вожаденного диагноза не обнаружил. Терапевт предполагал болезнь Альцгеймера под вопросом (вопрос в этом предварительном диагнозе был единственно правильным предположением, но терапевта винить не в чем: такие кадры и к нам-то нечасто захаживают, что уж тут о коллегах говорить!) и интересовался – может, инвалидность, мол, дадите («а то она всех нас уже поимела», – читалось между строк без особых усилий и приборов).

– Ну хорошо. А что еще вы разучились делать?

– Я не могу есть. Я ложкой тычу мимо рта, меня сын кормит!

– А готовите сами?

– Сама, – спохватившись: – Но невкусно! Ой, мне плохо!

– Никогда бы не подумал. Наоборот, склероз – это самая приятная болезнь: ничего не болит и каждый день новость... У вас-то что плохо?

– Я ПАМЯТЬ ТЕРЯЮ! И ПОНЯТИЯ!

– Так и запишем: истекает, мол, памятью и понятиями. Ай-ай, это плохо, без памяти и без понятий. Без понятий сейчас никуда... А как вы нас-то, к слову, нашли? Без памяти-то?

– Добрые люди подсказали.

– Надо же, действительно добрые. С понятиями.

Путем косвенных расспросов удалось установить, что тенька своим псевдодементным⁹ поведением терроризирует не только родного сына и невестку, но и в той или иной степени весь подъезд – то до магазина ее довести, то мешочек картошечки обратно принести – в общем, никому не скучно, и все при делах.

Самое интересное началось, когда доктор попытался донести до истекающего памятью и понятиями разума дамы, что инвалидность ей, как бы это помягче сказать, не светит. Началось утро в колхозе! Были стоны, были вопли, были попытки упасть в обморок (очень аккуратно, чтобы не помять пальто и не сбить прическу), были угрозы крестового похода в министерство, перемежающиеся криками «Где тут глав-

⁹ От «деменция», т. е. слабоумие. И «псевдо» – т. е. клиника напоминает слабоумие, но при этом на самом деле интеллект не страдает.

врач?». Заглянувший на огонек заведующий (вот вы-то нам и нужны, Виктор Александрович!) тут же был насильно втянут в эмоциональную дискуссию о достойных инвалидности людях (у соседки Клавы – вторая группа, у Люськи тоже, у бабы Кати – первая, а я чем хуже?!) и черствых, совершенно не секущих тонкости момента докторсах-садиствах. Через полчаса насквозь больное создание удалилось на форсаже, напроць забыв про слеповато-глуповатое ощупывание предметов окружающей обстановки. Доктор с заведующим переглянулись и двинули на перекур. В коридоре они вновь столкнулись с бешеной склеротичкой.

– Где справка, которую мне терапевт написал?

– В урну выкинул, – не моргнув глазом, соврал врач, успевший подклеить сей важный документ в амбулаторную карту.

Через час к заведующему пришла расстроенная санитарка.

– Что за безобразие, Виктор Александрович! Тут какая-то больная перевернула все урны на территории больницы. Такое впечатление, что весь мусор словно просеян. Сторожа вон тоже жалуются...

АЦЦКИЙ СОТОНА

Ходит к жене на лечение пациент. В миру его зовут, предположим, Артем. Истинное же имя нам, простым смертным, знать не положено. Впрочем, все по порядку.

Жил-был парень с простой русской фамилией. Годам к двадцати стал он осознавать – что-то в его жизни складывается не так: и друзей-то нет, и с работой ничего интересного, и зарплаты кот наплакал, и сам он собой ничего примечательного и внушающего уважения не представляет, хотя должен бы – вон какой богатый внутренний мир! Познакомился с девчонкой, женился и... взял ее фамилию. Тоже простую, но татарскую. Блажь? Ан нет, тонкий расчет. К моменту женитьбы Артему стало ясно: всем в городе заправляет татарская мафия, потому позарез нужна соответствующая фамилия. Мол, если она есть, все двери, лазейки, калитки и даже черные ходы открыты, получите, уважаемый, место у общаковой кассы! Насчет обрезания он как-то не задумывался, видимо, его планы так далеко не шли. Но время бежало, а деньги в конвертах никто не нес, нонкоитального респекта

не выказывал, занять теплое место у какого-нибудь руля не звал. Что же пошло не так? Мыслительный процесс не прекращался, напоминая мартеновскую печь: старые, пришедшие в негодность идеи плавилась и трансформировались, чтобы в итоге кристаллизироваться в нечто совершенно новое.

Ответ на все вопросы пришел неожиданно, поразив Артема своею стройностью и простотой: он, Артем, на самом деле и не человек вовсе! Он – дитя союза Бога и Сатаны. Ни больше ни меньше. Посему человеческая возня его не интересует. Что ему татарская мафия и родной когда-то автозавод – он сам по себе крут, как десять заповедей! Осталось дожидаться, пока родители отвлекутся от проблем вселенского масштаба и обратят взоры на забытого сына. Вот тогда он всем покажет места рачьих зимовок! Лично экскурсантов в преисподнюю наберет и сам сводит: а чего стесняться – там все свои, можно сказать, родные. На завод он, соответственно, ходить перестал: вдруг придет кто из настоящих родителей, а он на работе – неудобно получится. Перестал расписываться в документах и ведомостях: не положено сыну Божьему, да и дьявольскому в облом. Пришлось оформлять адско-небесному отпрыску группу инвалидности и лишать дееспособности. Больше всего поразил папа (биологический, не подумайте чего!): как только Артем стал инвалидом, да еще и недееспособным, тот пришел к врачу и серьезно так поинтересовался, кем теперь сын может работать. Засим повисла пауза, поскольку даже буквы в предполагаемом ответе док-

тора были непечатными, а врожденная интеллигентность не позволяла все это великолепии озвучить. Так с тех пор Артем и завис меж адом и раем, периодически с надменно-неземным выражением лица посещая диспансер, – божий ты сын или чертов, а уколы делать надо!

Царь Олег. Очень приятно

Пациент, о котором пойдет речь, более десяти лет наблюдается в нашем диспансере у моего приятеля. Шизофрения, вторая группа инвалидности. Активное диспансерное наблюдение, как это предусмотрено для лиц, совершивших либо склонных совершить общественно опасное деяние. Впрочем, ничего подобного Олег себе не позволял, да и вряд ли позволит, но... Судите сами.

Манифест заболевания пришелся на конец восьмидесятых. Олег вдруг решил, что он завидный жених: как же, ему приводили свататься дочь самого Черненко, да вот Леонид Ильич Брежнев не позволил. Прямо так из могилы и заявил: не будет, мол, тебе, Олег, моего партийного благословения. Так и остался парень холостым. После расстройтва предполагаемой свадьбы, а также эпизода с вымогательством у него денег (ну вы помните те лихие годы, когда каждый третий вдруг возомнил себя крутым до невероятности) пациент уехал в деревню и занялся пчеловодством. Вопреки ожиданиям, свежий воздух и пчелы не принесли покоя мятущейся

душе, и вскоре заступивший на пост президента Борис Николаевич Ельцин получил пухлый конверт из одного поволжского села от пчеловода Олега. В письме Олег предупреждал президента о том, что силы зла во главе с Леонидом Якубовичем готовят насильственный захват власти и что он, Борис Николаевич, падет жертвой американского самолета-шпиона, с которого и будет произведено коварное покушение. Далее на листе формата А4 шел подробный список лиц, которые также падут жертвами заговорщиков. К силам зла был причислен и Чубайс, обозначенный как снайпер из дзота, где окопался в качестве подтанцовки на случай, если самолет-шпион промажет.

Также загадочный пчеловод пообещал мысленно передать президенту координаты открытого им богатого месторождения нефти и попросил ментально подготовиться к сеансу передачи (время такое-то, частота ментальной волны такая-то), дескать, мне деньги не нужны, а вам для блага отечества не помешают.

В администрации президента и прокуратуре, конечно, взяли на заметку кандидатуру Чубайса как латентного снайпера-маргинала, но гневно рыкнули в сторону психиатров: мол, мы тут со своими дураками не успеваем справляться, так еще и ваши в виде бонуса хорошие вести приносят! Пришлось пчеловода, вернувшегося к тому моменту в город, госпитализировать. То ли что-то пошло не так с сеансом ментальной передачи координат, то ли обиделся Олег на полити-

ко-экономическую нечуткость Бориса Николаевича, только дарить месторождение он передумал. И на пятый день пребывания в отделении на обходе попросил заведующего дать ему в долг под расписку двести миллионов долларов на нефтеразработку. У доктора при себе таких денег не оказалось, и поиск нефти был отложен до выписки.

Владимир Владимирович, сменивший на посту уставшего Бориса Николаевича, тоже не остался без внимания и вскоре получил письмо с предложением сотрудничать в области нефтедобычи. Олег доверительно сообщил, что по сведениям, полученным из зуба, в который вмонтирован высокотехнологичный нанопередатчик, залежи нефти в районе Тольятти большие – ровно один миллиард тонн. Владимиру Владимировичу с Олегом хватит. Реализовать добытое богатство он предложил через аукцион, но с одним условием: чтобы свою долю получили Юлия Панкратова, Сергей Лавров, Владимир Жириновский и любимый доктор – фамилия, инициалы. Себя же он скромно попросил назначить мэром любимого города. Также президент получил предупреждение о страшной организации врачей-убийц во главе с заведующим отделением, где лежал Олег: мол, врачи это все, что там людей лечат, – там под гипнозом всем несогласным с разговором Якубовича вырезают щитовидную железу. Начисто. И человек посредством такого тиреообрезания¹⁰ становится дебилом.

¹⁰ От латинского названия этой железы – glandula thyr(e)oidea.

Не получив внятного ответа, Олег окончательно разуверился в том, что добро когда-нибудь победит разум, а потому предпринял радикальный шаг. Он заказал фирменный штамп в одной из городских фирм, и теперь рядом со своей красивой подписью в конце письма (президенту, конечно, танки клопов не дают!) ставит печать: «царь Олег». Просто и скромно.

К исполнению.

Ван Хельсинг

Всякая ситуация имеет столько версий и трактовок, сколько человек ее наблюдают. Не считая реального положения дел. Вот, скажем, один случай: пациент с шизофренией, наблюдается много лет, имеет вторую группу инвалидности, периодически лечится в связи с обострением параноидной симптоматики. Так видим ситуацию мы, психиатры. Реальность Александра много более драматична и расцвечена в мрачно-готические тона.

Дело в том, что вокруг Александра наряду с обычными гражданами живут вампиры и оборотни. Здороваются с ним каждый день, делают вид, что ходят на работу, в школу или институт, ловко маскируя свою темную сущность за обликом законопослушного электората. Следы своих ужасных деяний они тщательно маскируют, лишь иногда мелькнет кровавое пятно в углу рта или на одежде да повеет мертвечиной. Еще собаки спасают. Они чуют, кто есть кто. У Александра их четыре, они – надежные помощники в его священной миссии. Если б не он, вымер бы Тольятти. И покупала бы страна

«жигули» вампирской сборки. Никому нельзя верить. Даже родственникам. Вон младшего брата уже вампиром сделали. Иначе с чего бы ему бояться священного электрошокера! Ну ничего, арсенал у Александра большой, на всех хватит. На днях опять братец-вампирыш приходил, уговаривал идти сдаваться докторам. Размечтался! Да там вампир на оборотне и Франкенштейном погоняет! Вон лет пять назад электрошоком мозги поджарили, так года три вампира от обычного человека отличить не мог, все вокруг казались добропорядочными горожанами, а так ведь не бывает! Не может такого быть, чтобы все скоростижно исчезли. В общем, спустил на брата собак. В обоих смыслах.

Нечасто госпитализация одного человека собирает вместе столько людей разных специальностей. МЧС, сотрудники ЖЭКа, милиция, отряд по отлову бродячих собак и, естественно, спецбригада. И толпа соседей в качестве массовки. Наверное, замок средневекового феодала средней руки во время осады собирал толпу заметно скромнее. Вскрыв дверь (МЧС), осаждающие столкнулись с яростным сопротивлением со стороны собачьего авангарда, которое было сломлено залпом из ружей с транквилизаторами (отряд по отлову собак). Вперед пошла группа захвата (спецбригада в лице двух санитаров); милиция в виде наблюдателей за законностью происходящего скромно стояла на пороге. Наконец упакованного в кокон вязок Александра повели в санитарку.

Финалом этой драме послужили два рюкзака с арсеналом, которые вынес и положил к ногам служителей Фемиды брат (который вампир). В рюкзаках лежали электрошокеры, баллончики с газом и газовые пистолеты, вызвавшие заметное оживление в рядах милиционеров, и много-много деревянных колышков. Скорее всего, осиновых.

Злостная кверулянтка¹¹

Когда-то, во времена империи, было модно писать в НКВД: «Как сознательный гражданин и истинный патриот своей Советской Родины, преданный делу КПСС, довожу до Вашего сведения...» Те времена прошли, а люди не изменились, не ослабевает поток писем в соответствующие инстанции. Наши пациенты тоже продолжают вносить в него свою лепту.

Наблюдается в нашем диспансере пациентка по имени Галина. Со своими соседями сверху Галина находится в состоянии перманентных боевых действий. Благодаря ее бойковому перу соседи успели познакомиться с работниками ЖЭКа, мэрии города, СЭС, участковым милиционером, следователями из прокуратуры; писала она и президенту России (возможно, я кого-то упустил, простите великодушно). От этих облеченных властью лиц семья, которой не посчастливилось

¹¹ *Кверулянт* – жалобщик, сутяга; психопатическая личность со склонностью к сутяжничеству.

жить над скорбной головою Галей, узнала про себя массу интересного и интригующего. Помните Пушкина:

Сосед наш неуч, сумасбродит,
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино...

А тут похлеще, хоть и в прозе. Соседи с удивлением для себя обнаружили, что являются шайкой сутенеров, замечены в кровосмесительных связях, оргиях, повальных пьянках (может, обиделась, что не пригласили?) и прочей аморалке. А еще они, аки спайдермены, лезят по ночам на веревках к ней на балкон с коварными намерениями облить мочой и посыпать пеплом ее свежестиранное белье (видимо, такое сильное спайдерменское колдунство), а саму Галину пристрелить из незаконно приобретенного у мафии всяя Тольятти пистолета. Но то ли ракурс для выстрела подводил, то ли совесть просыпалась, а до смертоубийства дело так и не дошло. Соседям пришлось потратить время и нервы, объясняясь и доказывая, что они не верблюды, тьфу, не пауки. И так много раз. К чести соседей, никаких ответных демаршей против Галины они не предпринимали и параллельной переписки с инстанциями не вели.

Есть у структуры бреда интересное свойство: если только это не истинно паранойяльная моноидея, остающаяся неизменной годами, следует со временем ожидать расширения бредовой системы с включением в нее все новых лиц и со-

бытий. Бредовая система Галины не стала исключением, и вскоре прокуратура была ошастливлена целым списком лиц с указанием, за кем какой грешок водится. Ну, соседи как закоренелые сутенеры-скалолазы-убийцы в нем первыми отметились, как же без них... Далее вор в законе (вот уж не в курсе, знал ли несчастный, что он вор), своровавший все деньги из такого-то банка, еще лиц десять с грешками помельче, а также особенно запомнившийся гражданин, воровавший электроэнергию непосредственно с Волжской ГЭС (затрудняюсь представить себе этого сверхчеловека, тырящего мегаватты с высоковольтных линий электропередач, – воображение сдается).

Одним из последних было письмо прокурору России (всея), непосредственно в Кремль. В послании она требовала «выгнать с АвтоВАЗа и расстрелять спец. Кутузовский колхозный список» (привел как есть), в составе четырех деревень: Клявлино, Кутузово, Георгиевка и Волоколамка, которые в 1941 году позорно дезертировали (четырьмя селами плюс скарб и скотина), в Вино-Сборном вырубили себе село и жили «в немецко-фрицевской предательской Родины форме», и было у них триста пушек и машины немецкие. Жили себе припеваючи, жрали людей из соседних сел (список) и получали нетрудовые доходы аж из самой Германии. А потом, не иначе как по приказу с Запада, всем скопом подались на АвтоВАЗ. А тут недремлющая Галина – получи, фашист, гранату. В общем, прокуратура нас даже просить ни о чем

не стала. По тону их письма, с которым нам были переданы сии художества, было заметно, что они тоже насладились.

Вишлист

Эта история из копилки нашей подруги Татьяны. Она работает детским психиатром. Я уже высказывал мысль о том, что груши на яблоне не растут и что наследственность играет далеко не последнюю роль среди причин наших заболеваний, а тут такая роскошь! Просто невозможно отказать себе в удовольствии написать об этом.

Есть на участке Татьяны пацанчик-дебильчик, милый ребенок, только слабоумный. Более ничего – ни психопатизации, ни чего другого – ни-ни. Инвалид. Каждый год проходит переосвидетельствование, продляя группу. И вот однажды на пороге Татьянинного кабинета появляется его мама, вид которой заслуживает отдельного описания. Нет-нет, внешне все нормально, но вот... Представляете, как выглядит ребенок, когда или нашкодит, или собирается потребовать от строгого, но справедливого родителя чего-то непотребного? Еще так может выглядеть любимый щенок, сгрызший не менее любимый тапок. Вот именно с таким видом мама этого пациента бочком пересекает кабинет, сжимая в руке за спи-

ной лист бумаги.

– Я к вам по поводу инвалидности. И ИПР.

ИПР – это индивидуальная программа реабилитации инвалида, если кто не в курсе. Тем, у кого недержание мочи, – памперсы, неходячим – кресла-каталки, кто не может трудиться в обычных условиях (это о взрослых) – трудовые рекомендации и так далее. Но здесь-то о чем может идти речь?

– У вас же есть пункт про технические средства реабилитации? Так вот я тут набросала примерный список того, что нам нужно.

И с этими словами она разворачивает на столе перед доктором свой листок.

Друзья мои, вы все знаете (кто-то у кого-то видел, а кто-то грешен – писал сам), что такое wishlist, или хотелочка. А Татьяна, человек в интернетских заморочках неискушенный, увидела впервые.

– Телевизор, компьютер, стиральная машина, велотренажер, массажер... Ну вы бы еще вписали горн, саблю и щенка бульдога! Или автомобиль.

– Ой, а что, автомобиль можно? Давайте я впишу, спасибо, как-то не подумала! – радуется дама и тянется за ручкой.

Маниакальное

При слове «маниакальный» гражданину, неискушенному в вопросах психопатологической терминологии, рисуется этакий убивец со всевозможными гаджетами, от скромного ножичка до вполне заDOOMчивой бензопилы. На самом деле все несколько иначе, и вместо вышеописанного коварного субъекта гражданской наружности нашему взору чаще всего предстает энергичный человек с блеском в глазах и приятной улыбкой, с полуслова понимающий собеседника и поразительно тонко подхватывающий любую нотку его настроения.

Строго говоря, маниакальный аффект в его классическом варианте характеризуется триадой: повышение настроения вплоть до ощущения счастья, восторга, экстаза – это раз; ускорение темпа мышления (я думаю нормально, а окружающие – ручные тормоза от поездов дальнего следования) – это два; громадьё планов, целей и задач (гипербулия) с бешеной активностью по их осуществлению – это три. Минус критика к мыслям, оценкам и поступкам. Сна нет, но нет

и необходимости в нем – не время спать, когда так прет. И энергия, море энергии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.